

В. А. Зверев

ИЗМЕНЕНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА В ХОДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Изменения образа жизни крестьянства в ходе земельного освоения Сибири при капитализме / В. А. Зверев // *Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.)* : сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1985. – С. 94–104.

В условиях капиталистической России все формы жизненной активности крестьянства развивались в борьбе консерватизма, традиционной устойчивости деревенской жизни и нововведений, неизбежно проникавших в крестьянскую среду в ходе разрушения капитализмом ее замкнутости и патриархальной отсталости. Трудовые традиции крестьянства эпохи капитализма, а также изменения, происходившие в хозяйственной деятельности и быту крестьян этого времени, — предмет исследования не новый для историков-сибиреведов. Но введение понятия «образ жизни» позволяет, как нам представляется, увидеть новые стороны этих явлений.

В настоящей статье мы пытаемся показать плодотворность подхода к изучению традиций и инноваций в свете категории «социальный образ жизни». Одновременно, не претендуя на полноту раскрытия темы, анализируя лишь отдельные нововведения, мы показываем роль последних в деле земельного освоения Сибири. Под инновациями образа жизни подразумевают изменения, вносившиеся представителями живших во второй половине XIX — начале XX в. поколений крестьян в традиционно заданные способы своей хозяйственной и познавательной деятельности, общения, демографического поведения и социализации подрастающих поколений. Объем публикации не позволил рассмотреть очень важный аспект образа жизни крестьянства — его общественную активность. Динамика общественной активности крестьянства Сибири в условиях хозяйственного освоения края, развития капитализма вглубь и вширь может быть темой специального исследования.

Изменения образа жизни диктовались, прежде всего, происходившими в сибирской деревне в ходе развития капитализма перестройками условий жизни. В концентрированном виде изменение этих условий охарактеризовано в обобщающем труде «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма»: быстро росла численность сельских жителей, осваивались большие массивы новых земель, росли посевные площади и поголовье скота. В условиях утвердившегося капитализма усиливалась связь крестьянского хозяйства с рынком, облегчались и укреплялись связи между Европейской Россией и Сибирью, отдельными районами последней, между городским и сельским населением. В деревне выделились новые социальные группы, еще имевшие черты незрелости, развивалась система

капиталистической эксплуатации большинства сельских жителей меньшинством, изменялось общественное сознание крестьянства, усиливалась его политическая активность. Многие страницы указанного труда посвящены анализу и конкретным направлениям трансформации образа жизни крестьянства. Убедительно показано, как под влиянием развития капитализма вглубь и вширь изменялась система земледелия, внедрялась прогрессивная агротехника, действовала тенденция к более интенсивному использованию земли и применению удобрений, увеличению набора сельскохозяйственных культур, распространению улучшенных семян и т. д.¹

Хозяйственная деятельность — важнейшая сфера образа жизни крестьянства. Инновации в этой области у русских крестьян Сибири диктовались как их собственным опытом ведения хозяйства, так и приобщением к достижениям крестьян других регионов, некоторым источникам научной агротехнической мысли.

Известно, что в пореформенный период сибирская деревня располагала набором «выработанных многолетним опытом пахотных орудий, приспособленных к укладу крестьянских хозяйств и к тяжелым сибирским почвам»². Однако у крестьянства никогда не было полного удовлетворения качеством своих орудий. Изменявшиеся социальные и географические условия стимулировали изменения в их конструкции и технологии изготовления. Крестьянин с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии Ф. Ф. Девятков еще в конце 70-х гг. XIX в. так прогнозировал развитие местной сохи-сибирки: «Современная соха имеет за собой будущность, конечно, в улучшенном виде. Вместо двух будет один сошник с наваренным сталью поднятым пером, и вместо деревянной отвалки с железной... Железная отвалка необходимо должна заменить деревянную...»³. В конце 90-х гг. XIX в. С. И. Патрушев, крестьянин с. Ермаковского Минусинского уезда, «с опыта крестьянской обработки земли» выработал особый тип плужка: сошник и отвал походили на соответствующие части железного плуга, но присадка была более легкая, деревянная. Эти плужки изобретатель-кустарь распродавал рубеже XIX—XX вв. крестьянам Ермаковской, Шушенской и Сагайской волостей⁴. Примерно в то же время в д. Шошиной на севере Минусинского уезда кузнецы стали выделывать деревянные плуги с железными лемехами, взяв за основу их конструкции заводские металлические плуги⁵.

---

¹ См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. Новосибирск, 1983, с. 64—65, 193—194, 251—252, 375—380 и др.

² *Пронин В. И.* Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX — начала XX в. — В кн.: *Из истории крестьянства Сибири*. Томск, 1978, с. 92.

³ МКМ, оп. 3, д. 120, л. 142.

⁴ *Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. СПб., 1903, т. 54, с. 309.

⁵ МКМ, оп. 4, д. 122, л. 2.

Одновременно с совершенствованием пахотных орудий сибирские крестьяне и ремесленники-кустари улучшали конструкцию и технологию изготовления борон, молотилок и веялок. Применявшиеся в Сибири молотилки и веялки, как отмечали очевидцы, отличались своей простотой и дешевизной, что достигалось почти полным устранением металлических частей (железо в Сибири было дорого) и внедрением весьма оригинальных приспособлений, изобретенных местными мастерами⁶.

Взаимный обмен достижениями техники и агротехники происходил в ходе общения старожилов и переселенцев. В Сибири случались факты найма новоселов в хозяйствах старожилов не только с целью заработка, прокормления семьи до обзаведения собственным хозяйством, но и для практического ознакомления с особенностями местного земледелия. Так, из заселивших в 1888—1893 гг. пос. Владимирский Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии 72 семей переселенцев сразу завело вполне самостоятельное хозяйство всего 12 семей. Все остальные сначала работали по найму у окрестных старожилов, в их числе были и «некоторые такие, которые могли бы обойтись и собственными средствами, — шли к старожилам, чтоб присмотреться к местным хозяйственным приемам»⁷. Жители пос. Самаринского Крутинской волости Тюкалинского округа Тобольской губернии в количестве 35 дворов, имея необходимые средства для более обширного посева, засеяли в первый год по прибытии на место «немного, только для опыта, а свободным временем пользовались на заработках у старожилов, зарабатывая деньги и присматриваясь к сибирскому хозяйству»⁸.

Однако и для хозяйства старожилов общение с переселенцами не проходило бесследно. Возможность ознакомления с непривычными способами ведения земледелия, орудиями труда и т. п. позволяла многим сибирякам по-новому взглянуть на собственный хозяйственный опыт, скорее найти пути перехода к новым хозяйственным порядкам в тех районах, где такой переход в условиях развивающегося капитализма стал необходимостью.

Известно, что во многом именно благодаря контактам с новоселами в самом конце XIX — начале XX в. стал возможен в сибирской деревне переход на уровень, соответствующий уровню развития производительных сил Европейской России и связанный в первую очередь с распространением железных плугов и других сложных сельскохозяйственных машин. Иркутский губернатор отметил в 1909 г., что именно в связи с притоком переселенцев в

---

⁶ См.: ЧОМ, ф. 9, оп. 1, д. 2, л. б/н.; *Ермолов А. С.* Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896, с. 2—3; *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1893, вып. 19, с. 32.

⁷ *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895, т. 1, ч. 1, с. 5—6.

⁸ *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. Тобольск, 1898, вып. 1, с. 290.

последние годы в губернии появились плуги и усовершенствованные машины⁹. Авторы военно-географического и статистического описания Омского военного округа в том же году писали, что в ходе переселений «коренные сибиряки сознательно идут на сближение (с переселенцами. — В. З.), заимствуя у новоселов более интенсивные способы ведения хозяйства и, в свою очередь, поучая их бороться с незнакомыми условиями сибирского климата и вообще особой жизни»¹⁰.

Взаимовлияние форм хозяйственной деятельности, образа жизни старожилов и переселенцев в целом в результате их общения максимально облегчалось в том случае, когда новоселы приселялись в старожильческие селения или несколько семей старожилов попадало в переселенческий поселок.

Рассматривая результаты общения переселенцев, образовавших в 60-е гг. XIX в. с. Ново-Локтевское поблизости от старожильского селения Старо-Локтевского Ишимского округа Тобольской губернии, со старожилами, Н. Е. Петропавловский показал, что быстрее всего происходило сближение систем землепользования и земледельческих приемов двух групп населения и значительно медленнее, в ходе смены поколений — других сфер культуры и образа жизни¹¹. Той же закономерности подчинялся гораздо более медленный процесс интеграции в новую среду переселенцев, поселившихся в стороне от старожилов. В 1913-1915 гг., обследовав 12 переселенческих поселков Койбальской степи в Минусинском уезде Енисейской губернии, населенных в основном украинцами и выходцами из южнороссийских губерний, участники мелиоративной изыскательской партии пришли такому выводу: «Приспособление переселенцев к условиям новой жизни ... касается, главным образом, ведения хозяйства и полевых работ, где требования почвы и климата властно напоминают о себе. В остальном же, в своей семье, хате и на улице новоселы сохраняют родные обычаи»¹².

Внедрение новых земледельческих орудий и более передовой агротехники имело для зажиточных крестьян, в хозяйствах которых главным образом и проявлялись эти инновации, прежде всего экономический смысл. Оно способствовало расширению запашки, повышению урожайности, производительности труда, и в конечном счете увеличению прибыли. У мелких же «хозяйчиков» с этими нововведениями были связаны надежды выбиться в зажиточные, поправить хозяйство.

Но была здесь еще одна сторона, которую нельзя сбросить со счета. Инновации в хозяйственной деятельности в значительной степени были связаны с познавательной активностью крестьянства. Житель д. Жерлыкской Тесинской волости Минусинского округа

---

⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 84, л. 129.

¹⁰ Там же, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 175.

¹¹ Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу. — Записки ЗСОРГО, 1886, кн. 8, вып. 1, с. 47—50.

¹² ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 11, л. 18.

Дмитрий Братиллов в 1887—1889 гг. впервые опробовал удобрение своих полей навозом. Заполняя по просьбе Н. М. Мартьянова (основателя и руководителя первого в Сибири краеведческого музея в г. Минусинске) специальную анкету, на вопрос: «Что побудило Вас прибегнуть к удобрению?» — он ответил так: «Любопытство». Зная из литературы о полезных свойствах навоза в полеводстве, Братиллов в опытных целях поделил небольшой участок пашни на три делянки и, удобряя их для сравнения по разным нормам, высевал овес, пшеницу, яровую рожь и полбу¹³. В 60—80-х гг. XIX в. подобные же опыты проводили в окрестных деревнях крестьяне Груцинин, Девятов и др. Непосредственный практический смысл этих опытов был минимальным: в Минусинском округе было тогда еще много свободных непаханных земель, и разработка их обходилась дешевле, чем внесение удобрений на выпаханные участки. Опыты производились скорее с познавательной целью и имели в виду дальнюю перспективу развития хозяйства зажиточных крестьян.

«В виде опыта», по словам крестьянина Ф. Ф. Девятова, некоторые минусинские крестьяне в 60—80-х гг. XIX в. сеяли на небольших участках семена неизвестных здесь ранее сельскохозяйственных культур — сахарной свеклы, горчицы, рапса, подсолнечника и др.¹⁴ В 1883—1889 гг. небольшая группа местных крестьян охотно занималась испытанием и разведением улучшенных сортов различных культурных растений. Этой работой руководил Минусинский музей¹⁵. В 90-х гг. уже Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства продолжал рассылку улучшенных семян минусинским крестьянам. Те относились к этому «не только сочувственно, но даже страстно, и не было недостатка в просьбах выслать семена за деньги»¹⁶. Как считали некоторые наблюдатели крестьянской жизни, благодаря активному участию крестьян в этой работе, к концу XIX в. в Минусинском уезде семена некоторых культур были полностью (хотя и временно) обновлены.

Изменения хозяйственной деятельности населения сибирской деревни в эпоху капитализма сказывались и на таких сферах образа жизни крестьянства, как демографическое поведение и социализация подрастающих поколений. В долгосрочном перспективном плане эти изменения приводили к постепенному отеснению хозяйственной и воспитательной функций семьи на второй план, передаче этих функций капиталистическим формам. При капитализме крупная неразделенная семья «перестает быть обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности»¹⁷.

---

¹³ МКМ, оп. 1, д. 48, л. 7; оп. 1а, д. 52, л. 23.

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 48, л. 7.

¹⁵ См.: Там же, л. 1—217; *Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ.* Красноярск, 1903, с. 2—4.

¹⁶ *Нужды сельскохозяйственной промышленности...*, с. 2—3.

¹⁷ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 71—72.

Формой сокращения крестьянской семьи является, прежде всего, раздел. Во второй половине XIX в. в сибирских губерниях семейные разделы у крестьян совершались чаще, чем в губерниях Европейской России¹⁸. Источники и исследования свидетельствуют о неуклонном усилении разделов в сибирской деревне начала XX в. По словам исследователя Н. Овчинникова, семьи новоселов были менее склонны к разделам, чем старожильские, потому что «в большей своей части еще не укрепились экономически и потому более ... дорожат соединением сил нескольких работников в одной семье»¹⁹. Но даже у них ежегодно путем разделов число дворов увеличивалось в различных регионах Сибири на 3,0—4,2 %²⁰.

Следует отметить, что в конкретных условиях капиталистической деревни Сибири потребность в крупной семье для ведения хозяйства хотя и начала ослабевать, но еще далеко не полно изжила себя. Об этом свидетельствует наличие прямой зависимости между размерами семьи и уровнем ее хозяйственной состоятельности, падение благосостояния многих «достаточных» дворов в результате их раздела (табл. 1).

Таблица 1

Семейные разделы в крестьянских хозяйствах Томской губ. в начале XX в.*

Категория хозяйств	Группа хоз-в по посеву, дес.	Кол-во хоз-в (семей), абс.	Средний состав семьи, чел.	Число семей, образовавшихся путем выдела, %	В том числе	
					при выходе с родины	в Сибири
Старожилы	0	106	3,0	18,9	-	18,9
	до 3	649	4,3	32,4	-	32,4
	3–9	1386	5,6	31,7	-	31,7
	свыше 9	1020	7,5	20,9	-	20,9
	Итого:	3061	5,8	27,9	-	27,9
Приписанные переселенцы	0	665	4,8	27,0	19,3	7,7
	до 3	6385	5,0	35,2	17,2	18,0
	3–9	9969	6,4	26,4	11,9	14,5
	свыше 9	4037	8,1	17,0	8,5	8,5
	Итого:	21 056	6,2	27,1	12,9	14,2
Неприписанные переселенцы	-	578	5,7	20,5	16,8	3,7

* Подсчитано по: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927, с. 193, 214; *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913, вып. 2, с. 173, 194.

Из таблицы видно, что бедняцкие семьи, взятые в совокупности, делились чаще, чем зажиточные, и у старожилов, и у переселенцев. Совершенно очевидно, что раздел и без того небольшой семьи окончательно подрывал ее способность своими силами вести земледельческое хозяйство. Тем не менее, бедняки шли на это, потому что их хозяйство

¹⁸ См.: *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний*. Иркутск, 1893, т. 4, вып. 2, с. 69.

¹⁹ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 51, л. 23.

²⁰ *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912, вып. 1, с. 13—14.

переставало быть таковым, превращаясь просто в батрацкую семью. Относительно малое количество разделов в группе беспосевных дворов означает, в частности, что они достигли предела дробления, возможного в тогдашних условиях. Зажиточные крестьяне и сельские предприниматели гораздо реже соглашались на раздел, несмотря на то, что имели относительно крупные семьи. В условиях Сибири, где наемный труд был несколько дороже, чем в помещичьих районах Европейской России, большое значение имела эксплуатация домохозяином членов собственной семьи. Крупная кулацкая семья развивалась в предпринимательское хозяйство, проходя на этом пути стадию «семейной кооперации»²¹.

Распространение машин влияло и на состав рабочих рук в деревне. Росло использование в собственном хозяйстве крестьянина и путем отдачи в наем более дешевого женского и детского труда. Уже при переходе от сохи-рогальюхи к колесянке стало возможным привлечение к пахоте подростков 16—17 лет (рогальюхой мог работать «только взрослый мужик и то не всякий»)²². При работе же жаток, сеялок, сноповязок, веялок, молотилок, когда человеческий труд становился лишь вспомогательным, женщины и дети часто становились даже основными работниками. Переселенцы особенно часто вынуждены были отдавать своих детей в наем, иногда с 8—12 лет. Уже в пореформенный период около трети всех переселенческих семей на Алтае продавали рабочие руки своих малолетних членов (см. табл. 2). В значительной степени именно с этим связан тот факт, что переселенческие семьи в Сибири были заметно моложе старожильческих. В них было больше детей, чем у старожилов, и относительно числа других членов семьи, и в мужском, и в женском населении²³.

Особенно интенсивно труд подростков и женщин заменял труд взрослых мужчин в годы войны. Летом 1917 г. в Иркутской губернии юноши в возрасте до 17, девушки до 15 лет включительно вместе с престарелыми составили 28,3 % лиц мужского пола и 8,3 % женщин, признанных трудоспособными, и были привлечены к работам, выполнявшимся ранее, как правило, лишь мужчинами зрелого возраста. В Забайкалье соответствующие цифры равнялись 24,3 и 8,6 %, в Тобольской губернии — 30,1 и 8,3 %²⁴.

Таблица 2

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 84, 90; т. 17, с. 107.

²² Материалы для изучения... Западной Сибири, 1889, вып. 3, с. 163.

²³ См.: Зверев В. А. Численность и структура русской крестьянской семьи в Сибири периода империализма. — В кн.: Крестьянство Сибири период разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980, с. 40—41.

²⁴ Подсчитано по: *Итоги* предварительного подсчета материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Иркутской губ. Иркутск, 1919, с. 473—474; *Предварительные итоги* сельскохозяйственной переписи в Забайкальской обл. в 1917 г. Чита, 1918, с. 50—51; *Предварительные итоги* сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Тобольской губ. Тобольск, 1918, с. 2—3.

**Количество крестьянских семей Алтайского горного окр., члены которых
нанимались в батраки (начало 90-х гг. XIX в.), %***

Категория хозяйств (семей)	Всего	В том числе отдавали в наем	
		Детей вместе с другими членами семьи	Только детей
Старожилы	10,4	3,2	1,0
Приписанные переселенцы	60,9	13,1	19,1
Неприписанные переселенцы	63,5	14,5	18,9
Итого:	57,7	12,7	17,5

* Таблица составлена по данным: *Материалы* по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский край: Результаты статистического исследования в 1894 г. — В кн.: Алтайский сборник. Барнаул, 1899, т. 4, вып. 1, с. 20—21.

Даже на самых тяжелых земледельческих работах труд подростков и женщин стал составлять «общее, широко распространенное явление»²⁵.

На социализацию подрастающего поколения этот процесс действовал по двум основным направлениям. Многие крестьяне стали испытывать потребность в том, чтобы дать своим детям хотя бы элементарное, первоначальное сельскохозяйственное образование, позволяющее лучше разбираться в сложных машинах, ремонтировать их со знанием дела. В 1917 г. Забайкальский областной кустарный комитет, планируя приступить к открытию в области учебно-показательных мастерских, обратился к областным обществам с просьбой сообщить о том, какую помощь они могли бы оказать в этом деле. При анализе ответов выявилась «громкая нужда в открытии учебно-показательных мастерских и полная беспомощность в данном отношении сельского населения»²⁶. Особенно нуждались общества в подготовке из числа местных жителей специалистов по слесарному и кузнечному делу, необходимых для обслуживания и ремонта сельхозмашин, многие из которых в годы войны простаивали из-за поломок и отсутствия запасных частей²⁷.

Наметившаяся потребность в специальной профессиональной подготовке сочеталась у крестьян с усилением стремления дать детям общее школьное образование. Об этом свидетельствуют, в частности, широкое распространение в сибирской деревне по инициативе крестьян «домашних» школ. В официальных школах всех типов число учеников росло гораздо быстрее, чем количество самих этих школ. В промежутке между 1894 и 1911 гг. темпы увеличения числа учащихся в деревенских школах Западной Сибири опережали развитие здесь сети школ в 1,9, а в Восточной — в 2,7 раза. В 1910 г. в Западной Сибири количество детей, получивших отказ в приеме, составило 47,4, а в Восточной — 24,3 % к общему числу принятых в школы²⁸. Существенно расширить и улучшить общее образование

²⁵ ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 1, д. 725, л. 8—9.

²⁶ ГАЧО, ф. 184, оп. 1, д. 3, л. 40.

²⁷ Там же, л. 18—94; д. 2, л. 52—61.

²⁸ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923, вып. 1, с. 149, 158.

и создать систему специального образования для сельских жителей соответствующие государственные органы Российской империи оказались не в состоянии.

Другое направление инноваций в системе социализации детей — это ослабление роли семейного воспитания в нижнем социальном слое деревни. Уходя в наем, дети бедноты «выходили» из традиционной системы деревенского воспитания, основанной на постоянном контакте детей различного возраста и родителей, на порядке, когда преимущественно в семье «младшие научаются от старших»²⁹, и непосредственно включались в более широкую систему общения и общественных отношений.

В период капитализма все стороны образа жизни крестьянства, будучи тесно связаны между собой, заметно видоизменялись. Перестройки образа жизни были следствием развития производительных сил, капиталистических производственных отношений, культуры крестьянства. Общение деревенских жителей все чаще выходило за узкие рамки семьи и общины, в ходе переселений и в результате роста отходничества становились более разнообразными и содержательными контакты с крестьянами других регионов, горожанами. Это, в свою очередь, оказывало обратное воздействие на развитие производства, облегчая дело внедрения новых орудий труда, приемов агротехники и т. д.

Обозначившиеся инновации общения и хозяйственной деятельности стимулировали познавательную деятельность крестьян, пытавшихся осмыслить меняющиеся условия и в соответствии с этим строить свое хозяйство, воспитывать детей, регулировать образ жизни в целом. Менялась и демография крестьянского двора, крестьяне искали пути улучшения системы воспитания и обучения своих детей. Демографические сдвиги оказывали обратное воздействие на хозяйственную деятельность крестьян. Так, замену в 80-х гг. XIX в. в местности по р. Ишиму молотьбы хлебов цепами молотьбой с помощью лошадей крестьяне объясняли тем, что для ручной молотьбы «не хватает рук»³⁰. Наметившееся расширение системы школьного обучения крестьянства объективно стимулировало обращение некоторой части крестьян к книге, газете как средству познания и общения.

Но в то же время следует со всей определенностью заявить, что инновации образа жизни крестьянства Сибири в эпоху капитализма внедрялись медленно, а по ряду направлений вовсе не смогли развернуться. Они отнюдь не означали коренной перестройки образа жизни, которая была возможна лишь в результате социалистической революции. Кроме того, изменения были неоднозначными в разных социальных слоях и группах крестьянства, они часто имели негативный характер. Размежевание новых формирующихся классов деревенского общества неуклонно углублялось во всех сферах их социального образа жизни.

---

²⁹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 638, л. 302.

³⁰ *Материалы для изучения ... Западной Сибири*, 1889, вып. 3, с. 178.